

К Р О К О Д И Л

ГО Д ИЗ Д А Н И Я Х В I I

МОСКВА, УЛИЦА ГОРЬКОГО, 7 НОЯБРЯ 1938 ГОДА

Рис. Л. Бродаты

Здесь, раздвигая дома,
Шествует юность сама.
Пой, молодая столица,—
Наша страна веселится!

Привычное и неотъемлемое

МЫ до того привыкли ко многим вещам, что нам кажется странным, просто диким, что этого всего не было раньше.

Привыкли мы сами, привыкли наши дети, а у многих — даже внуки. О детях, о внуках и говорить нечего. Нужно немало усилий, нужно преподавание истории, и хорошее преподавание, чтобы убедительно, правдоподобно объяснить детям и внукам, что многих привычных вещей раньше и в помине не было, что они существуют вовсе не от сотворения мира.

Мы привыкли к тому, что земля принадлежит не помещикам, а колхозам.

Что в русской азбуке тридцать две буквы.

Что Абхазия есть автономная социалистическая советская республика.

Что Пушкин учился в городе Пушкине, бывшем Детском селе.

Что от Москвы до Хабаровска можно долететь в одни сутки.

Что советские пианисты — лучшие в мире.

Что с Остоженки в Сокольники можно проехать на метро.

Мы привыкли к тому, что пастухи и доярки получают ордена в кремлевских дворцах.

Что Северный полюс есть советская территория.

Что на российских заводах изготавливают любой предмет и любую машину.

Что по Днепру можно проехать из Киева в Херсон.

Что человек человека называет гражданином или товарищем и что каждый товарищ, каждый гражданин имеет обеспеченное государством право на труд, право на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости.

Мы привыкли в ноябре, седьмого числа, праздновать годовщину Великой социалистической революции. Еще недавно это была сем-

надцатая годовщина, а сегодня — двадцать первая. Немного погодя это будет тридцать восьмая, а потом пятьдесят пятая, восемьдесят восьмая годовщина.

Мы привыкли седьмого ноября поутру слышать по всей стране бой часов с Кремлевской башни, и тотчас же восторженные крики «ура» с Красной площади, и музыку, и речь Ворошилова, и торжественный марш, и четкий шаг пехоты, и грохот танков, и рокот самолетов, и звонкие песни праздничных людских колонн.

Мы привыкли ко всему этому — как же может быть иначе!

Каково поверить, что и сейчас, сегодня, в нашей страны крестьянин еще иногда вынужден целовать руку господину, что рабочий остается невольником фабриканта, что людей убивают, сжигают на кострах за цвет их кожи, что правительства четырех стран могут собраться и безнаказанно осуществить раздел и разрушение пятой страны.

Как поверить, что и сейчас, сегодня, за нашими рубежами сохранились люди, которые пишут «хлеб» через ять и советский город Феодосию — через фиту, которые мечтают о молебнах у Иверской часовни, о должности исправника в «Сухумском округе» или в «Царском селе»?

Как поверить, что марксисты, коммунисты, воодушевленные идеями, сила которых освободила народ шестой части мира и помогла ему создать независимую, достойную, счастливую жизнь, — как поверить, что поборники этих же идей подвергаются преследованиям и пыткам в фашистских застенках, страдают и гибнут за одно только произнесение вслух правдивых и честных слов против эксплуатации, угнетения человека человеком, против фашистского мракобесия, против звериной националистической ненависти?

Мы привыкли к нашей свободной, никем не подавляемой, единственно разумной советской жизни. Но там, в этом горящем сумасшедшем доме, именуемом капиталистическим обществом, — там не хотят привыкнуть к мысли, что шестая часть света живет, трудится, веселится, навсегда забыв об эксплуатации человека человеком.

Там точат зубы, там лелеют мечту опадении, оттуда шлют ползучую шпионскую троцкистско-бухаринскую нечисть, там возьмется, там готовятся, там злобствуют и шипят.

Мы привыкли и к этому. Мы привыкли отдыхать и праздновать, бодрствуя и не спуская глаз с врага.

На двадцать первом году советской власти капитализм был еще и еще раз бит при попытках протянуть грязную, кровавую свою лапу к советским границам, потревожить спокойствие Советской страны.

Он был бит у озера Хасан и в зале Верховного суда, он поплатился головами троцкистско-бухаринских террористов и японских самураев.

Он будет бит еще и еще, всякий раз, когда посмеет еще раз сунуться к нам.

Мы встречаем годовщину с новой книгой в руках. В этой книге простыми и твердыми, чеканными сталинскими словами рассказано о том, как в нашей стране было уничтожено старое, подлое, угнетательское, как создано новое, прекрасное, и уже такое привычное, такое неотъемлемое.

Здесь — единственная страна, единственная во всем мире, где празднуют свой праздник, не тревожась о будущем, с уверенностью в завтрашнем дне. Мы привыкли к нашему советскому большевистскому празднику, и никто никогда не сможет его омрачить.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Приметы праздника

Великое увидеть можно в малом,
И всенародный праздник Октября
Еще издалека своим сияньем алым
Расцветку будней красит, как заря.

На улицах, в семье и на столбах газеты
Еще задолго до октябрьских дней
Предпраздничные видим мы приметы
И видим искры будущих огней.

Быстрее идет народ, предпраздничная давка,
Автобусы берут на abordаж,
И на дверях, заборах и прилавках
Листки бумаги с надписью: «Окраш...»

В окно такси просунут кончик стяга,
По улице несут диван и новый стул,
Цветной картон и пеструю бумагу
Из магазинов словно ветер сдул.

Всем хочется украсить к моменту —
Ни до, ни после — к празднику как раз!
И длинные хвосты стоят за «перманентом»,
И маникюрши не смыкают глаз...

Как мышь, в укромном спрятавшись местечке,
Дочурка-школьница весь день кроит и шьет, —
Ей срочно надо сшить костюм узбечки
Для пантомимы «Радостный народ».

Жилетка переделана отцова,
Две юбки старые изрезаны дотла,
Но что-то все не клеится... И снова
Скрежещут ножницы и бегают игла...

Приметы праздника встречаются все чаще.
Столбцы газет твердят наперебой:
«До срока к годовщине предстоящей
И здесь и там план выполнили свой!»

И вот уже с высоких свисли лестниц
Плакаты, стяги, звезды и панно.
Актеры мечутся по городу. И песни
Впорхнут готовы в каждое окно.

Огни иллюминаций заблестали,
На площадях закончен весь монтаж,
С фасада, улыбаясь, смотрит Сталин...
Добро пожаловать, великий праздник наш!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

...Труби, греми, как вихрь мятежный!
Труби, греми, не унимайся,
Пока есть хоть один тиран!..
(Гейне)

Берлин не спит...

Рис. Л. Бродаты

Отцы и...

... дети

Подслушанный разговор

ОКНО моей комнаты выходит на просторный второй двор. Он весь заботливо выровнен, усыпан речным песком и усажен деревьями.

На этом дворе, словно неугомонные воробьи, собирается детвора нашего квартала.

Я приподымаю шторы и вижу, как на сосновых балках и досках, сложенных под самым моим окном, сидят человек семь ребятшек.

— А это к чему бревна? — спрашивает Федя Степанов.

— Весной будут беседку строить, — отвечает Маруся. — А в беседке я товарища Кирова нарисую, как он по нашему двору гулял.

— А ты кого-нибудь из вождей видел? — спрашивает Костя Федю.

— А ты?

— Я-то, еще как! Я товарища Кирова видел.

— Врешь!

— Ну вот еще — врешь. Я с ним по делам разговаривал и за руку здоровался.

— И мы все с ним за руку здоровались, — поправляет Костю Маруся Кутузова.

Федя недоуменно оглядывается:

— По делам? Да вы разве большие?

— Ну и что ж что маленькие, — обижается Костя. — Мы с ним по делам говорили. Ты думаешь, здесь все время такой двор был? Тут грязь была, бочки валялись и камни-булыжники, и никто не хотел на дворе играть, никто. А потом вдруг приехал Алеша Кравченко в наш дом. У него пожарник — папа; он здорово пожары тушит. Ну мы с Алешей сразу познакомились, он ух какой парень! Только у него ноги большие. Про все планеты знает, и сколько до них километров. Он туда полетит. А ходить Алеша не может. И надумали мы, что хорошо бы нам во дворе сделать сад и тут вместе с Алешей Кравченко играть, а то чего ему все одному да одному.

Выбрали нас пять человек, и мы пошли к нашему управдому Семену Семенычу. Он нас встретил в коридоре сонный в одних дырявых носках и спрашивает:

— Что вам надо?

— А мы ему говорим: «Нам ничего не надо, мы только хотим, чтобы нам во дворе устроили сад».

Управдом глаза выпучил:

— Какой сад?

Маруся ему и говорит: «Обыкновенный сад во дворе, для этого надо убрать ящики и посадить цветы, а поливать мы их будем сами».

А он, этот самый Семен Семеныч, как закричит на нас: «Покою от вас нет! Никаких дворов и никаких садов!» Мы на него и в милицию ходили жаловаться. Нам там сказали, что сад сделать нужно, и велели нам идти в союз жилищный и про все рассказать. Пошли мы в этот союз к самому главному председателю, он нам и говорит: «Вы мне заявления напишите».

Тут знаешь, как мы все рассердились. А я ему возьми и скажи: «Мы заявление писать не умеем. Нам некогда ждать».

Теперь уже, обратно: он рассердился и назвал нас молокососами.

Не дав опомниться Косте, Маруся прерывает его и продолжает рассказ. — Тогда Костя говорит: «Давайте, ребята, пойдём к товарищу Кирову, он часто, когда на работу едет, раньше гуляет по улице Красных зорь». Ну мы все, когда про это узнали, очень обрадовались и целую ночь не могли уснуть, а все представляли себе, как это мы будем с товарищем Кировым разговаривать, ведь его весь мир знает. Ну, ничего. В выходной день мы пошли рано утром на улицу Красных зорь.

Сели мы на скамеечку и не разговариваем. Сидим долго и все ждем. Я сначала подумала, что он мимо прошел, а его никто не заметил, только вдруг вижу: по мостовой едет «линкольн», а по тротуару идет человек в гимнастерке и в сапогах, как военный, и шапка у него военная, только нет звездочки.

Я, как его увидела, тихонько-тихонько говорю: «Ой, ребята, смотрите, товарищ Киров идет».

Мы так растерялись, что не знали, что делать. А с нами на улице Красных зорь пришли самые маленькие — Коля и Витя Сапегины. Они, говорят, вместе родились, и их путали. Никто не знал, кто Коля, а кто Витя, даже ихняя мама путала. А ты знаешь: они хоть и маленькие были, но очень смелые. Мы даже не помним, как они раньше нас подошли к товарищу Кирову и спрашивают: «Дяденька, а дяденька, вас как звать, товарищ Киров?»

Он остановился, посмотрел на них и как засмеется: «Да,—говорит,—меня Кировым зовут. А вас как?» «А нас — Коля и Витя».

Товарищ Киров им руку протянул.

«Ну что ж,—говорит,—давайте знакомиться, Коля и Витя. Только откуда вы меня знаете?»

А те ему вот что отвечают: «Вы, дядя, самый главный ленинградский партийный». Товарищ Киров еще веселее засмеялся. А Коля сказал: «Мы к вам по делу пришли, товарищ Киров, только мы самые маленькие, а это наши большие».

Тогда мы подошли, а он со всеми поздоровался за руку, спросил, где мы живем, в какой школе учимся и какие у нас отметки. Я за всех ответила и сказала всю правду про «неуды».

Пересчитал он нас и спрашивает шофера: «Как, товарищ шофер, восемь человек нас сразу заберете?» «Заберу»,—отвечает шофер.

Мы целых десять минут садились в машину и никак не могли усесться: каждому хотелось быть рядом с товарищем Кировым.

Поехали мы и стали рассказывать про Алешу Кравченко, про наш двор и про все. А товарищ Киров, как про все это услышал, стал строгий, вытащил из кармана записную книжку, записал что-то и спросил наш адрес. Костя ему адрес рассказал и на каком трамвае к нам ближе всего проехать.

Только вдруг машина остановилась, мы глядели в окошечко: уже Смольный! Товарищ Киров нам дверцы открыл, а потом сам вышел и спрашивает: «Ну, как, ребята, если вам сад устроить, вы за ним следить будете?» Мы запрыгали от радости: «Будем, товарищ Киров, будем!»

Потом он велел своему шоферу отвезти нас домой, и когда автомобиль поехал, товарищ Киров нам помахал рукой.

Дома мы никому ничего не говорили. На завтра утром проснулись мы рано и видим: сам управдом с двумя дворниками нагружают ящики на телегу. Штукатурники всю эту стену мажут, а посреди двора много, много песку.

Как мы только вышли на двор, управдом к нам первый подошел и стал за руку здороваться, он даже меня по имени и отчеству назвал. Мы его в стенной газете прописали за подхалимничество.

Сад у нас был готов скоро. Мы товарищу Кирову написали про это письмо и пригласили его в гости.

Однажды мы играли в «морской бой», вдруг видим: входит к нам во двор Киров и не один, а еще с каким-то товарищем.

«Ну, вот,—говорит,—приехал я посмотреть, какие вы хозяева. Принимайте гостей».

Наш сад очень ему понравился, только сказал, что надо выстроить беседку.

Когда гости весь двор осмотрели, товарищ Киров спросил:

«А где же ваш пилот, который собирается летать на планеты?»

Ну мы его сразу с Алешей познакомили. Товарищ Киров с ним долго разговаривал, потом вспомнил свое детство и рассказал, как ему трудно жилось.

У него никогда игрушек не было, потому что они очень бедные были. Нам стало обидно, что у такого человека не было игрушек. А Коля с Витей взяли и принесли товарищу Кирову игру «конструктор», кубики, гармошку, так, знаешь, их целых полчаса уговаривали, чтобы они обратно игрушки забрали. Когда стала пора товарищу Кирову уезжать, он нам вот что сказал:

«Зимой я за вами заеду обязательно, и мы за городом на лыжах будем ходить...»

Тишина воцаряется под окнами. Во дворе бродят легкие сумерки. Молча, тесно прижавшись друг к другу, сидят дети, думая о чем-то.

М. ТЕВЕЛЕВ.

ГОРНЫЕ

ВЕРШИНЫ

Географические сведения для

некоторых иностранных туристов

Гора Монблан — высота 4810 метров.

Гора Эверест — высота 8840 метров.

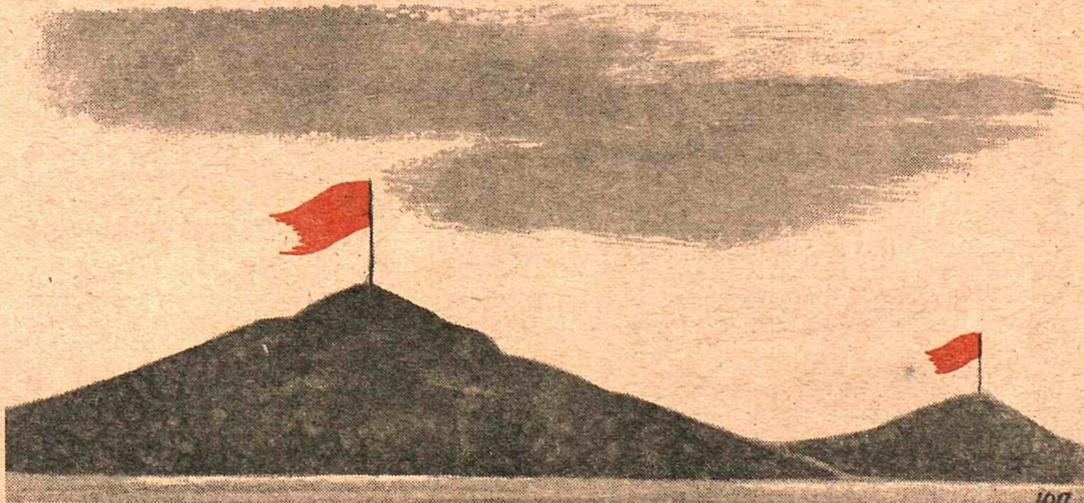

Рис. Ю. Ганфа

И самые недоступные высоты — Заозерная и Безымьяная.

Экинчи

Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не прикидывайся ты лисичкой, смешной экинчи!
Что ни день, с извинениями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы, не шепчи, не кричи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!
Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!
Что тяжелый был год у крестьян,— я совсем не при чем,
Что взмошел вместо хлеба бурьян,— я совсем не при чем,
Что погибли рис и баштан,— я совсем не при чем:
Винovat же не я, а какой-то там зной, экинчи,
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!
Все твое достоянье попало под град — мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят, — мне-то что?
Отдавал одеяла ты вместо денег — мне-то что?
Вот продай ты ковер, разживешься казной, экинчи!
Брось болтать, не ворчи и не очень-то ной, экинчи!
Что работал ты много, но нечего есть,— не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к чорту иди!
Нет пшеницы — из глаз доставай! Мне плевать на дожди!
Добывай мне пшеницу любую ценой, экинчи!
А не то разочтешься своею спиной, экинчи!
Не имеешь — так что же? Тебя я убью, но возьму!
Вывру к чорту глаза и печонку твою, но возьму!
Плетью голое тело твое обовью, но возьму!
Поголкуй о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай, и не очень-то ной, экинчи!
Мне пшеницу подай и, как скромник, пшено ты глотай!
Слышишь, лед растопи и как будто вино ты глотай!
Яд — не камень, мой друг, и змею заодно ты глотай.
Не имеешь ты к мясу привычки другой, экинчи!
Как животное жил и живешь ты, дрянной экинчи!
Человеческий облик лишь мне по достоинству дан.
Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян.
За обедом я пьян и за ужином тоже я пьян!
Таково положение мое под луной, экинчи!
Я — бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!

Аликбер Сабир — азербайджанский поэт (умер в 1911 году).
Экинчи — пахарь.

Перевел с азербайджанского
П. Панченко

Приключение

ПРИКЛЮЧЕНИЕ у меня было летом нынешнего года.

Получил я, значит, очередной отпуск. Начальник депо товарищ Вахрамеев и говорит мне:

— Надо тебе, Иван Терентьевич, отдохнуть и подкрепиться. Дадим мы тебе, старик, путевку на самый южный курорт, к самому горячему солнцу, и вернешься ты оттуда молодым красавцем...

Сердечно поблагодарил я за комплимент и ласковое слово, но от путевки вежливо отказался: была у меня на уме, признаться, другая программа-минимум.

Решил я в этом году съездить в Воробьевку. Это мое родное село, там, признаться, я родился, там и оженился. Но это было давно, и, как выразительно сказал поэт, «Онегин, я тогда моложе и лучше кажется была».

Дай, думаю, поеду посмотрю, как там земляки мои живут-поживают да добро наживают. А в последний раз я был в Воробьевке тому назад, чтоб не соврать, лет двенадцать. И как справедливо сказал поэт, «а годы мчатся, дни летят».

А кроме всего прочего в Воробьевке прелестные соловьи, и такие пускают они заманчивые трели, что только сиди, молчи и слушай, не прерывая оратора.

А в речке Осинке водятся окуни, до изумления жирные и самостоятельные. И на червячка они идут самым активным образом. Это тебе не язь или плотва, которые с хитре-

цой да с лукавостью подходят к приманке. Окунь, спасибо ему, добросовестно лезет на крючок и тащит поплавок прямо на утоп. Уважал когда-то я это занятие, и, как удачно сказал поэт, «я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...»

Иду я в кассу за плацкартой, и тут меня, сироту, постигла беда: оказывается, жесткие места все проданы.

А я, грешным делом, терпеть не могу ездить в мягком вагоне. В мягком вагоне, доложу я вам, пассажир очень задумчивый. Сидит, как филин, смотрит важно в окно и думает, что лучше его и краше на свете нет, что он, как в свое время выразился поэт, «мимолетное явление, гений чудной красоты».

В жестком вагоне пассажир более разговорчивый. В жестком вагоне пассажиры друг другу свои биографии рассказывают. Кроме всего прочего я люблю о международном положении потолковать.

А еще иногда друг с другом о детях поговоришь. У меня, скрывать нечего, замечательные дети: один сын — капитан, другой — геолог, а дочь — химик. И у остальных пассажиров попадают интересные дети. Вот сидим и обмениваемся впечатлениями.

А то еще, бывает, подобрется в жестком вагоне компания, которая песни поет. А я песню ценю и уважаю. Еще с малых лет пристрастился я к песням и стишкам. И, как заметил поэт, «на заре туманной юности я полюбил твой мягкий стих...»

Но ничего не попишешь — пришлось взять плацкарту в мягкий.

Захожу я в вагон, ставлю чемоданчик на верхнюю полку. Вижу: в вагоне только пять молодых людей, а больше — ни души.

А эти молодые люди одеты как на картинках. Белые воротнички, на брюках складки, полуботинки сияют темнее ночи, яснее дня.

Прислушиваюсь незаметно — и слышу, что калякают они не по-нашему. Какое-то очень зубодробительное наречие, и через каждые пять — десять слов — «Оль-райт!» А что это означает, — ума не приложу.

Плохо тебе, думаю, Иван Терентьевич. Попал ты в вагон к иностранцам. Ни поговорить, ни побеседовать.

Кинулся я к проводнику:
— Скажи мне, голубь, что это за франты?
— Иностранцы, — говорит, — англичане. А если сказать по-русски, — интуристы.

— А по-нашему что-нибудь кумекают?
— Ни в зуб ногой. Никакого понятия.

— Серость какая! А еще в шляпах.
— Только самый маленький белобрыйсый, — он чуть-чуть смыслит, а говорит — одна комедия.

Возвращаюсь в купе, сажусь на свое место и спокойно и равнодушно гляжу в окно.

Тут ко мне подбегает этот самый маленький белобрыйсый интурист, делает так, по-иностранному, ручкой и говорит:

— Мистер, как поживай и куды-туды едайт?

Я, конечно, деликатно поклонился и в свою очередь дипломатично говорю:

— Погода сегодня замечательная. Как вам нравится наша страна?

Короче говоря, завязался интересный разговор. Я его понимаю наполовину, а он меня и того меньше. А остальные четверо англичан смотрят на нас, ни бельмеса не понимают, но из приличия улыбаются. Иногда белобрыйсый скажет им что-то по-своему, а они в ответ кивают головами и говорят: «Оль-райт!»

Проезжаем мимо нашего большого завода. Белобрыйсый что-то слишком внимательно смотрит в окно. А потом подкатывается ко мне с вопросом:

— Мистер, что этой завод?

Так я ему и сказал!

— Детские игрушки, — отвечаю, — вырабатывает. Лошадки с бубенчиками.

Затем перешли мы к политическим вопросам. Тут стал я их колоть Чемберленом.

Позабыл я, правду сказать, про всякую дипломатию и до того разошелся, что сам себя сдерживать не мог. И начал я, как сказал поэт, «глаголом жець сердца людей».

Я им тут все вспомнил: и Испанию, и Чехословакию, и разные комитеты по «невмешательству». А они сидят, молчат, улыбаются. Видать, им крыть нечем.

Высказался я, и отлегло от сердца. Сижу и по обыкновению замурлыкал под нос песенку.

Белобрыйсый опять подкатывается ко мне:

— Мистер, спевайт русский песня.

Можно, думаю. Пусть они там знают, какие песни мы поем. Откашлялся я и начал:

«Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,—
Как один человек весь советский народ
За свободную родину встанет!..»

Не успел я закончить, как мои интуристы хором подхватили:

«На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,—
Будь сегодня к походу готов!..»

Я рот разинул. А они, черти, смеются.

— Извините, дедушка, — говорят они, — мы вас маленько разыграли. Мы рабочие-стахановцы, работаем на большом заводе. Едем в отпуск. А так как мы изучаем в кружке английский язык, то решили всю дорогу практиковаться и говорить только по-английски. Вы на нас не сердитесь.

Посмотрел я на них. Боевые ребята. Вот такие и мои сыны.

— За шутку не обижайтесь, — говорю. — Оль-райт!.. А песню надо кончить.

И я опять затянул:

«Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта и до Владивостока...»

И я опять затянул:

«Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта и до Владивостока...»

Г. РЫКЛИН

...В пылу работы они выполняют то, что казалось бы не под силу человеку.

...обуревающая их буйная гордость будет опрокидывать все препятствия, самое слово „невозможно“ будет родить в них негодование, и работы самые чудовищные... им покажутся легкой забавой.

...Таковы атлеты, идущие на смену нашим наемным работникам, вялым и немощным.

(Шарль Фурье, „Теория четырех движений и всеобщих судеб“).

Рис. И. Семенова

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

— Мы пришли, гражданин Фурье!

Удачная охота

(ПО МОТИВАМ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДНОГО СКАЗА)

Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
О двух сторон родного края...
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов чтоб не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц.

(«Калевала»).

Шел охотник частым лесом
По земле своей Карельской,
Повстречал он незнакомца, —
Проходил тот озираясь.

Говорит охотник: «Что-то
Я тебя не видел раньше.
Что здесь делаешь? Скажи-ка,
А свернешь, — придется плохо».

Отвечал тут незнакомец:
— Я родня тебе, охотник,

А сюда пришел я, чтобы
Пенье птиц лесных послушать.
Говорит тогда охотник:
— Ты и сам поешь неплохо,
Недосуг мне только слушать
Эти сказки-небылицы.

Не с добром сюда явился:
Ты задумал злое дело,
Но свершить тебе то дело
Я, охотник, не позволю.

Поворачивай, приятель,
Да иди-ка на заставу,
Да бежать, смотри, не вздумай:
Пуля меткая догонит.

А чтоб подлыми руками
Ты мне зла не причинил бы, —

На твоих я брюках пояс
И все пуговицы срежу...

И пошли они к заставе.
Незнакомец держит брюки,
Позади идет охотник
И тихонько он смеется.

И, явившись на заставу,
Говорит бойцам охотник:
— Поохотился сегодня,
Зверя хищного привел вам.

Не убил сегодня, правда,
Я ни белки, ни лисицы,
Ну, а все-таки охота
У меня была удачна.

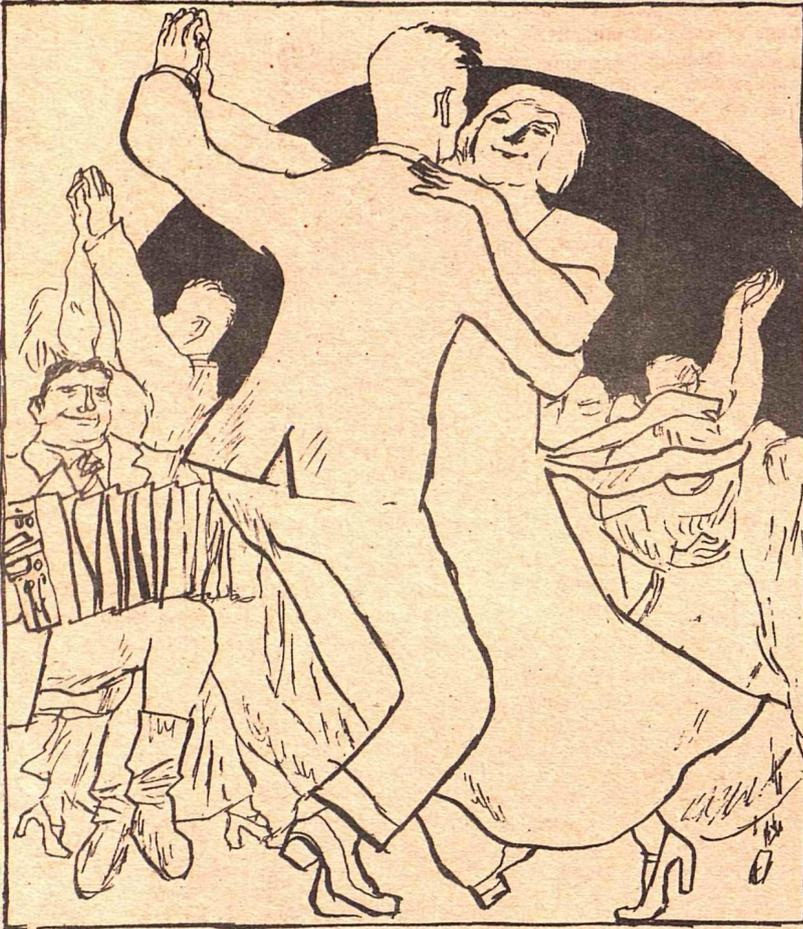
И. КУТАСОВ.

КАРТИНКИ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

...А там, во глубине России —
Там вековая тишина...

(Н. А. Некрасов, 1857 год)

Рис. М. Черемных

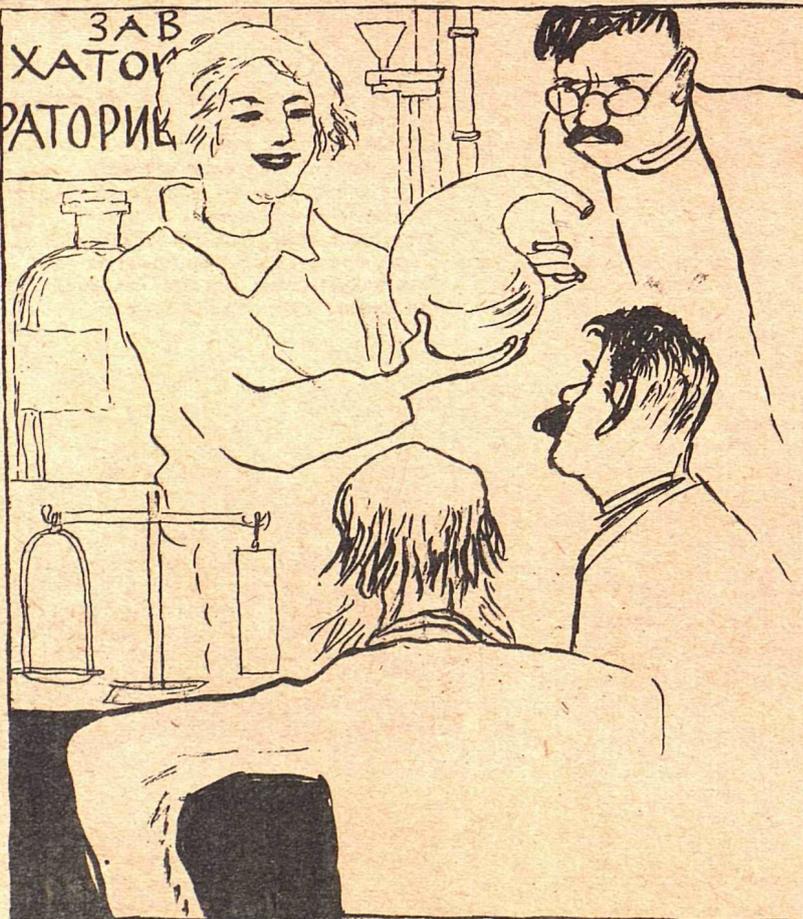

СЛОВА РАСХОДЯТСЯ С ДЕЛОМ

„Пляши, Еремей,
Не жалея лаптей!“

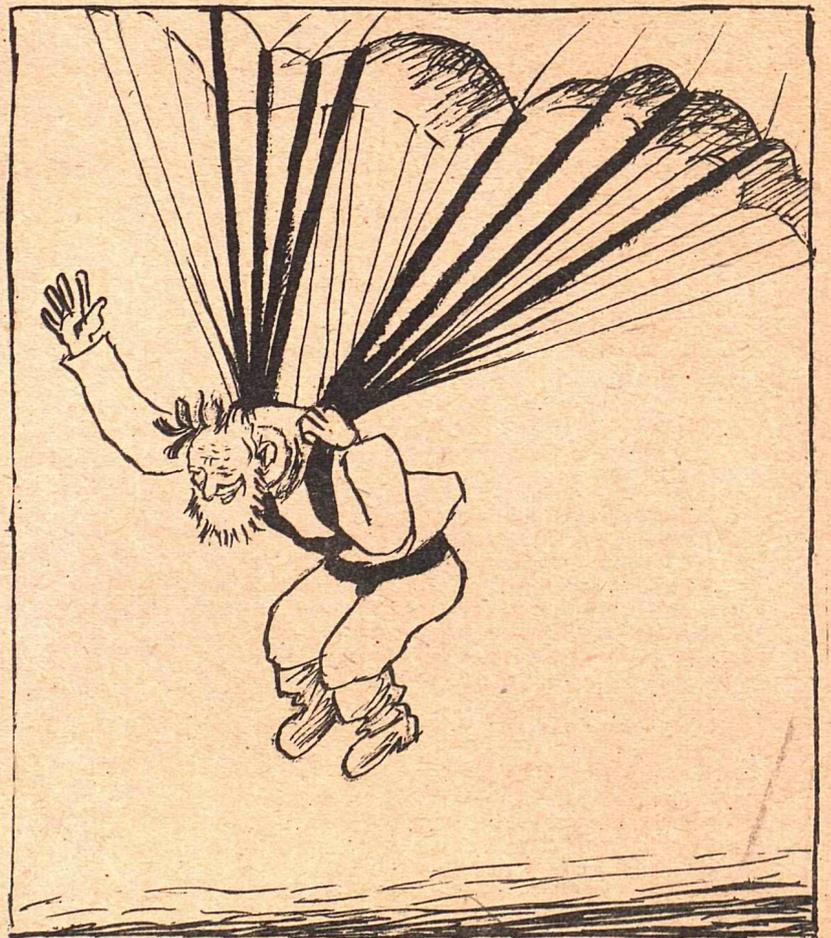

КОРОЛЬ И ПАСТУХ

УСТАРЕВШАЯ ПОГОВОРКА

Знай, баба, церковь да хату, горшки да ухваты.

ОТСЮДА ВИДНЕЕ

— Земли-то сколько у нас! Конца-краю не видно!

Праздник в Малаевке

ВВЕРХ И ВНИЗ

Рис. Ю. Ганфа

ПРИДУМАЛА все это учительница Зоя Ивановна. Два дня она ходила из избы в избу по деревне, смело шагая по стылым лужам, румяная от осеннего ветра, возбужденная, веселая и очень хорошенькая в своей кроткой меховой кофточке.

Когда все справки были собраны, учительница явилась в сельсовет и сказала председателю Евдокии Марковне, с которой была приятельницей:

— Разрешите вам доложить, тетя Дуся, что наша Малаевка скоро станет знаменитой.

— Это почему так?— с некоторой тревогой спросила степенная Евдокия Марковна.

— Оказывается, Малаевка дала стране трех агрономов, из которых один—известный исследователь засухоустойчивых сортов пшеницы...

— Это Моисеев Петр?

— Да, да! Затем: трех врачей, двух инженеров, трех командиров Красной Армии, одного танкиста-полковника, между прочим, недавно награжден орденом...

Зоя Ивановна сделала многозначительную паузу и закончила:

— И одного астронома!

— Врачей и агрономов—этих всех знаю,— сказала Евдокия Марковна.—И полковник с орденом мне известен—это Бугагиных племянник. А вот кто же астроном? Астроном—это который звезды считает, так, что ли?

— Не считает, а вообще изучает звездный мир, тетя Дуся. Знаете кто? Архипова Якова Васильевича, из третьей бригады, сын.

— Ленка?!—поразилась Евдокия Марковна.—Ишь, ты! А я ему, конопатому, помню, уши рвала за озорство!.. Ну, ты чего надумала-то?

— Надумала пригласить в Малаевку на конференцию нашу интеллигенцию. Пусть и городские приедут в гости к землякам. Установим с ними связь, они нам будут помогать. О такой встрече в газетах напишут.

— Обозгует это дело!

А уже через три дня после этого разговора Зоя Ивановна сама отвезла на станцию и сдала прямо в почтовый вагон 12 заказных писем.

Вечером она заглянула к Евдокии Марковне домой и застала у нее бабу Егориху—восьмидесятилетнюю старуху-бобылку, пенсионерку Малаевского колхоза.

Егориха, прямая как палка, с красными от слез глазами, сидела напротив председательши и, перебирая край черного узорного платка, на что-то жаловалась.

— Вот послушай-ка бабу,—заявила Евдокия Марковна.—На тебя жалуются.

Старуха осуждающе оглядела учительницу:

— Внучонка моего почему не пригласила на праздник? А? Всех позвала: Ленку архиповского позвала, Саньку бугагинского позвала, Фроську дулевых позвала, а моего Гаврюшку волк, выходит, с'ел?!

Учительница смутилась:

— Простите, бабушка. Разве внук ваш в городе работает?

— В городе!

— Кем он работает-то?

— Дворником работает!—гордо сказала бабу Егориха.

Учительница переглянулась с Евдокией Марковной и, потушив улыбку, стала объяснять бабушке, что на конференцию приглашают людей известных, образованных,—одним словом, интеллигенцию—выходцев из деревни Малаевки. Однако на бабушку эти объяснения не произвели никакого впечатления:

— По-твоему, выходит, Гаврюшка мой хуже всех?

— Не в этом, бабушка, дело. Дело в том, что в данном случае нас интересовали образованные люди, которые, можно сказать, с книжками не расстаются...

— Которые люди его видали, говорили, что он всегда с книжкой ходит подмышкой, называется домашняя...

Потом бабу Егориха объяснила, что внук ничего ей не пишет уже года три, что с ним, она не знает, а повидаться хочется. Так вот, если бы ему послали такое письмецо, как всем, он бы, наверное, приехал.

Зоя Ивановна написала внуку бабу Егорихи письмо, в котором подробно изложила несложные новости неторопливой бабушкиной жизни, а в конце уже от себя приписала:

«Как вам не стыдно, товарищ Макаров, забывать старуху!.. Приезжайте в отпуск в деревню. Бабушка ваша очень о вас скучает».

Приближался день конференции. Однажды во время большой перемены к Зое Ивановне подошла сторожиха Акулина и сказала:

— Вас там бабу Егориха спрашивает.

Учительница накинула платок и вышла на крыльцо. Бабу Егориха в оранжевом тулупе, в красных варежках собственной вязки, с клюкой в руках, стояла на нижней ступеньке. Лицо ее выражало тревогу.

— Худо с Гаврюшкой,—сказала она шопотом,—на почте мне его письмо прочитали, но я что-то не поняла. С дворников его сняли!..

Зоя Ивановна взяла у бабушки письмо и громко прочитала:

«Дорогая бабушка Агафья Егоровна, очень рад, что вы здравствуете. А я было думал, что вы уже померли. Сообщаю вам свою новость: я союзом с должности дворника снят...»

Тут бабу Егориха жалостливо вздохнула.

...учусь в оперной студии, потому что жилец нашего дома артист товарищ Благолепов нашел у меня богатый голос бас. Я, бабушка, свободно беру нижнее «до». В настоящий момент я прохожу арию князя Игоря и князя Галицкого...»

...На конференции бабу Егориха, нарядная, торжественная, сидела в первом ряду. После того как астроном Алексей Архипов доложил своим землякам, как ему удалось найти на древнем нашем небе новую молодую звезду, на сцену вышла Зоя Ивановна и сказала:

— А сейчас будет художественная часть. Наш земляк, товарищ Макаров, внук бабушки Егорихи, которая здесь присутствует, учащийся оперной студии, споет нам арию князя Игоря из оперы Бородина.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Дальневосточные частушки

Самурай глядит сердито,
У него печальный вид:
Самурая карта бита,
Да и сам он словно бит.

Самурая часто снится
Край рабочих и крестьян.
Неудобно ль освежиться
В нашем озере Хасан?

С быстротой крайне редкой
Враг бежать пустился в тыл:
То наш летчик бомбой меткой
Самурая угостил.

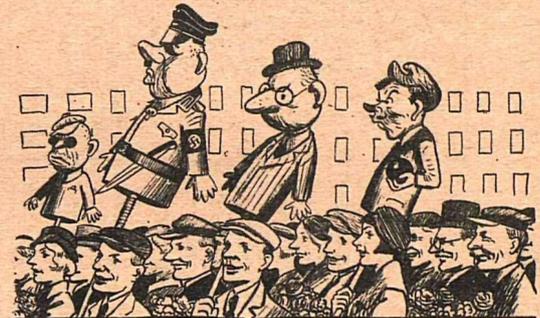
Сделать враг мечтал в два счета
Из Хасана Хасан-Го,
Но из этого расчета
Не выходит ниче-го.

Пропадешь, наш край затронув:
Фронт советский—исполни:
Все 170 миллионов
Дружно встанут, как один!

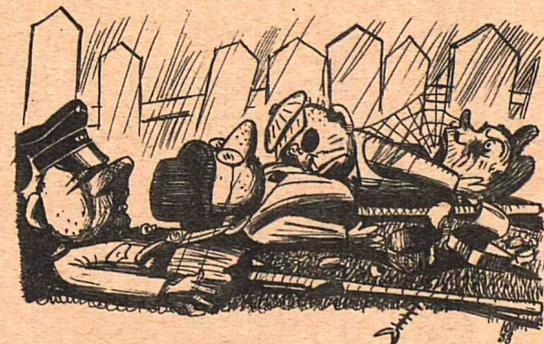
МИХАИЛ ПУСТЫНИН

Ему в такие ночи плохо спится,
Он в полудреме, в странной тишине,
Такую ересь видит сквозь ресницы,
Что не вместишь в обыкновенном сне.
Откуда храбрость, пыл такой откуда?
Чернеет свастика на левом рукаве;
Он говорит: «Я завтра утром буду
На высоте в ликующей Москве!
А вы, мои помощники и други,
Со мной единой связаны судьбой,
За вашу верность мне, за все услуги,
Вы тоже вознесетесь над толпой!»
И ночь прошла. На утро тени скрылись,
И было все, как он желал того...

Так в этот день карикатурно сблизил
Несбыточные замыслы его:
Его несли по улицам столицы
В сопровожденье всех друзей и слуг,
И над толпой на их картонных лицах
Чередовались ярость и испуг.
Недолговечным было наслажденье...
Когда оркестров рокот праятил,
Без трепета, без всякого почтения
На свалку чучел выбросили их.

Ему в такие ночи плохо спится,
Он в полудреме, в странной тишине,
Такую ересь видит сквозь ресницы,
Что не вместишь в обыкновенном сне.
Он одного не видит: если б знал он,
Что и в его стране настанет час,
Когда поступят так с оригиналом,
Как поступили с чучелом у нас!

А. РАСКИН. М. СЛОБОДСКОЙ

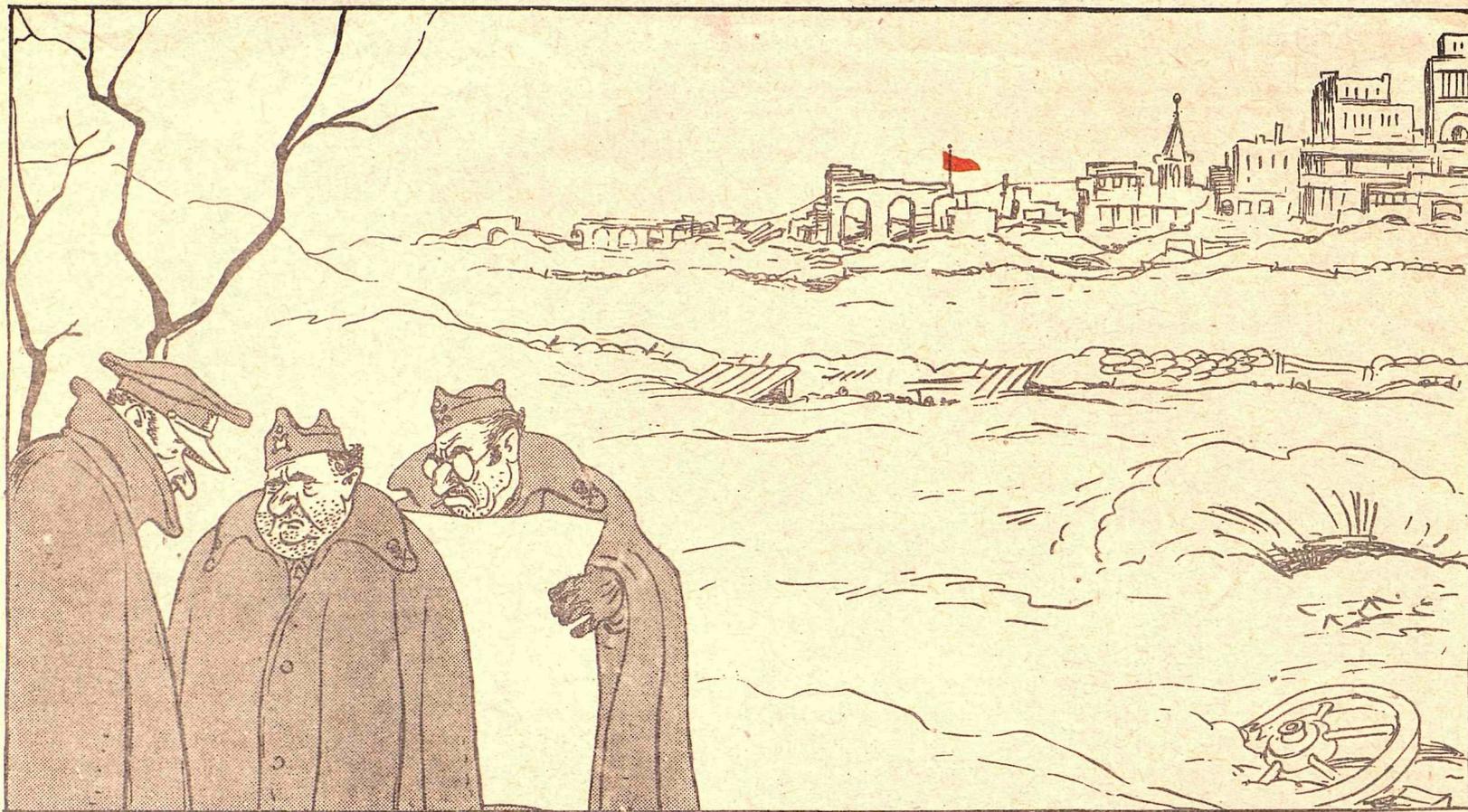

Рис. Бор. Ефимова

ФАШИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИЛИ ТРЕТИЙ ГОД ПОД МАДРИДОМ

— Прямой атакой здесь не возьмешь. Нас может выручить только фланговое движение через Лондон, Париж и Мюнхен.

Книга

Когда не выручили Франко
Его германские войска
И долгожданная победа
Была все так же далека,

Тогда он понял: чтоб страну
Победоносно управлять,
Он должен самый дух народа
Повесить или расстрелять.

Он опоздал, но есть надежда:
Еще есть книга на земле,
В ней этот дух проклятый собран
Как солнце в выпуклом стекле.

Чтоб все грядущие сраженья
Ударом выиграть одним,
Поймать он должен Дон-Кихота
И Санчо-Пансо вместе с ним.

Он вырвет их из книги с кровью.
Из каждой главки — по куску,
И рядом с пленным коммунистом
Повесит на одном суку!

И вот велит подать он книгу:
Она до странности легка,
И с каждой новой страницей
Сильней дрожит его рука.

Напрасно книгу пролистал он,
Дурным предчувствием десним:
В Мадрид к друзьям уехал рыцарь
И Санчо-Пансо вместе с ним.

К. СИМОНОВ

Разговор

ДВОЕ белых мужчин встретились на Пенсильвания-авеню, в городе Вашингтоне, в году тысяча девятьсот тридцать восьмом после рождества христового.

— Алло, Сан!
— Алло, Ред!
— Где ты пропадал это время?
— Ездил домой.
— Куда?
— Домой. В Алабаму.
— Что ж ты там делал?
— Пристрелил четырех негров.
— Для них это, конечно, было необходимо, иначе бы ты этого не сделал!..
— Факт! Приезжаю я домой — все перепуганы насмерть.
— Чем?

— Ходили слухи, что в городе появились красные и начали мутить негров. «Ну, как можно растормозить этих черных? — говорю я папе. — Ерунда! Кто-то, наверное, пустил утку». «Да, я тоже так думаю, — говорит папа, — но эти негры просто неугомонны». «Которые именно?» — спрашиваю я и вспоминаю: есть ли у меня в ружье заряды?! «Ну, на прошлой неделе мы выгнали двоих — троих из города, но и оставшимся я не особенно доверяю». «А разве они не живут тут давно, папа?» — спрашиваю я. — «Давно-то, давно! Но до последнего времени здесь не было красных, которые бы стали их настраивать против нас, белых. Смешно, как здорово они их обкрутили! Мы ведь очень хорошо обращаемся с неграми! Они едят и спят! И разве мы не платим Молли два доллара в неделю? А Сэм получает девять в месяц лишь за то, что правит моей коляской, следит за участком и кормит и ухаживает за скотом! Чего им еще не доставало?!» «Это государственная помощь безработным испортила их, — вмешалась моя мама. — Здешнее Бюро помощи давало питание неграм наравне с белыми! Подумать

только! И когда мы доказали, что неграм не надо есть столько же, сколько белым, и Бюро срезало неграм норму, то это взбесило их! Очень трудно угодить этим черным!» «Ничего, я угрожу им этим винчестером», — говорю я, доставая свое ружье.

Я набрал полный карман зарядов и вышел. Мама спрашивает: «Куда ты?» Я говорю: «Пристрелить пару негритянских отродий!» Папа предупредил меня: «Будь осторожен, сынок: в городе появилось несколько новых полицейских». Я ответил: «Не беспокойтесь за меня! Я стопроцентный американец и, мне думается, имею право убить негра, коли мне этого хочется!» «Мне тоже так думается», — сказал папа, и я ушел. И знаешь, Толстяк Глази, Цыпленок Маки и я напилась в тот вечер, поехали на «форде» и пристрелили четырех негров!

— Кого именно?

— О, просто четырех негров. Это было в субботу вечером, и их шлялось на улице больше чем достаточно. Белые с трудом могли гулять по городу! Ну, я и убил четырех негров, как обещал.

— А что сказал твой отец, когда ты вернулся домой?

— Он сказал: «Я думаю, они теперь поняли, где их место, и будут сидеть смирно?» Я ответил: «Будь уверен. Поняли: они на том свете».

— Молодец, парень!.. Ну, мне пора по делам.

— Пока, Ред!

— Пока, Сэм, дружисе!

— Наднях увидимся!

— О-кэй!

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ

Перевод с английского
ЮРИЙ СМЕРНОВ

КУКУРЫНИКСЫ 39.

Рис. Кукрыниксы

ТРУДНОСТИ ВОРОВСКОЙ ПРОФЕССИИ

Еще одна такая победа и ...

Из архивной ПЫЛИ

В часы

ПЕРЕД нами комплекты старых газет — 1917 года. Пожелтели, покрылись пылью двух десятилетий газетные простыни «Утра России», «Раннего утра» и «Русского слова», но в них отражение истории, отражение предоктябрьских дней 1917 года.

Пролетариат вооружался, рабочие готовились к решительным боям. Приближалась Великая Октябрьская социалистическая революция.

22 октября 1917 года газета «Русское слово» в тревоге сообщала своим читателям:

«В Москве, в районе Девичьего поля, на некоторые фабрики рабочими доставлено очень значительное количество оружия в виде револьверов и винтовок. В частности, на Прохоровскую мануфактуру доставлено оружия 4 воза».

Но буржуазия попрежнему занималась коммерцией, спекулировала, наживалась, делила доходы. Словом, все было так, как будто буржуазный строй в России был незыблем и собирался существовать еще не одно столетие:

«Барский особняк или большой доходный дом в центре желает купить строительная контора Айвазьян».

«Правление товарищества Петроградского механического производства обуви «Скорород» приглашает пайщиков на чрезвычайное общее собрание, имеющее состояться в среду, 8 ноября. Предметы занятия: обсуждение и решение вопроса об увеличении основного капитала товарищества».

В стане церковников происходила подозрительная возня, собиралась с силами и готовилась к бою церковная контрреволюция.

«Утро России» от 19 октября 1917 года:

«Во вчерашнем заседании всероссийского собора началось обсуждение вопроса о восстановлении в России патриаршества».

Кстати, орган Московского комитета партии большевиков «Социал-демократ» 12 октября 1917 года печатает письмо солдата, в котором говорится о церковной деятельности иного порядка:

«Я встретил крестный ход. Православные потребовали, чтобы я снял шапку. На мой отказ хоругвеносец сорвал с меня шапку, а некоторые из православных начали меня колотить. Солдат Михайлов».

«Русское слово» от 4 октября 1917 года пишет:

«Вышла из печати и поступила в продажу новая книга «Власть тела» — из жизни современного общества».

Репертуар некоторых московских театров 24 октября 1917 года, накануне вооруженного восстания в Петрограде:

«Летучая мышь» Н. Ф. Балиева. Четверг 26-го, спектакль, новая программа: «Зеркало девственниц», «Тсс, молчать!» Театр «Фарс» Н. Гриневского. «Блудлив, как кот».

За день до вооруженного выступления петроградского пролетариата:

«Партия народной свободы, Пресненский комитет. Во вторник, 24 октября, в Алексеевском народном доме, Васильевская, 13, состоится доклад А. П. Давыдова — Текущий политический момент и предстоящее Учредительное собрание».

И здесь же — крик офицерской души:

«ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА ОФИЦЕРСКИХ ДЕПУТАТОВ: Мы решительно настаиваем, чтобы всякая деятельность, компрометирующая офицерский состав и направленная к чтению в душе офицера, была прекращена в корне. Мы требуем полного доверия офицеру, как таковому».

Так выглядела мышь беготня московской буржуазии в последние дни ее бытия.

Л. НИКУЛИН

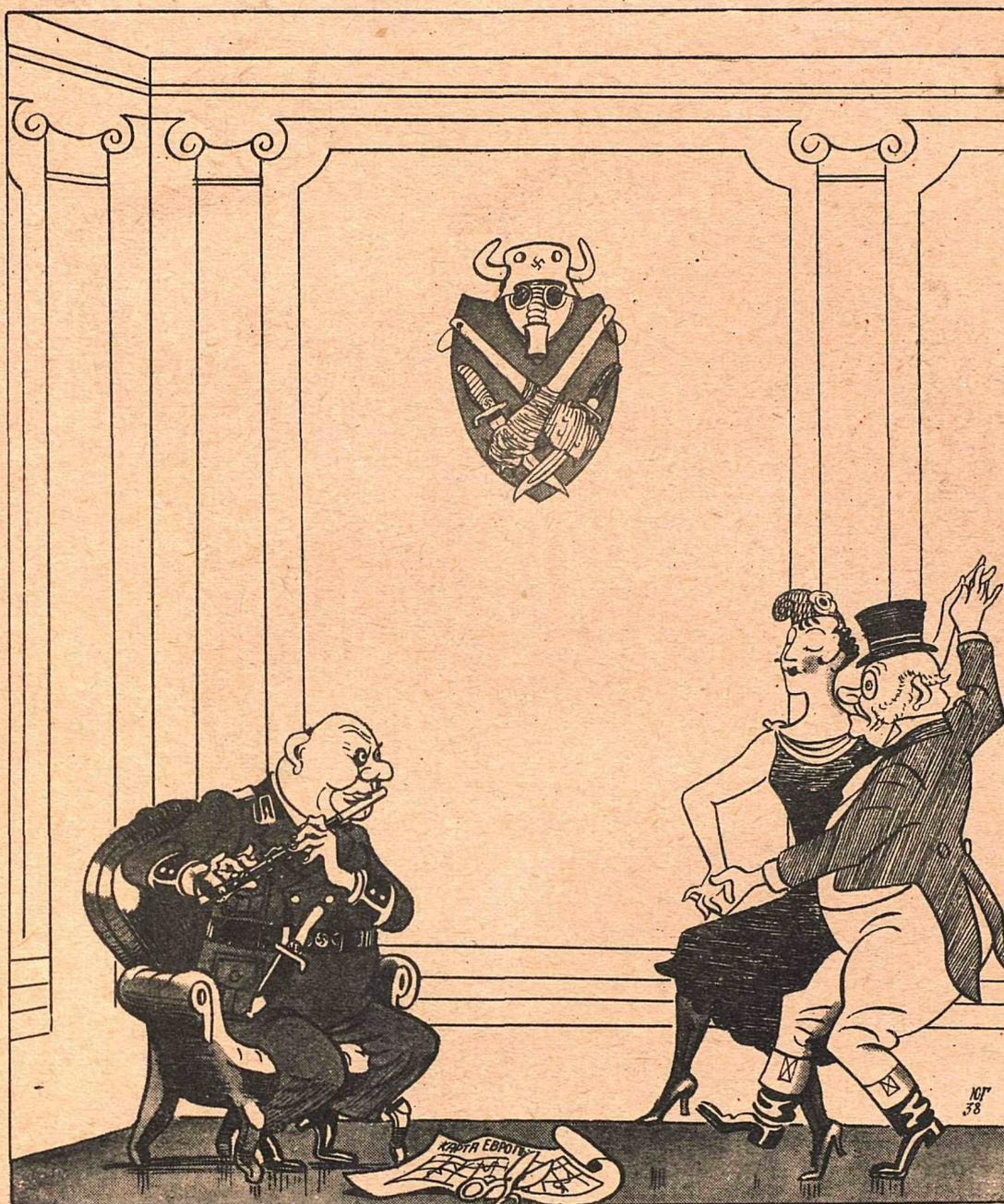
Бор. Ефимов

Рис. Бор. Ефимова

Европейский оркестр.

Случай с

По селу идет дорога, при дороге столб забит.
Здесь, под вывеской железной, жил фотограф-инвалид.
У него была, по правде, очень добрая душа;
Перед ним сидели люди, не моргая, не дыша,
И снимал он их на фоне чащ, деревьев и столбов:
Конопатых — без веснушек и горбатовых — без горбов.
Он снимал людское горе, безысходную судьбу,
И младенцев в день рожденья, и покойников в гробу.
Были дни больших походов. Кровью пахло от земли.
И однажды в наш поселок банды белые вошли.
Видят: столб на полдороге, на столбе фонарь косит,
И под вывеской железной фотография висит.
«В штаб-квартиру с аппаратом сам начальник просит вас.
Рядовых снимайте в профиль, а начальников — в анфас».
Поэументы и медали нацепили злые псы.
Писарь — бабник и насильник — крутит синие усы.
(На прощанье кавалеры фотографию дают,
Над девической кроватью фотографию прибьют).
И, поставив в ноги сабли и аршины проглотив,
Смотрят черти, не моргая, в драгоценный об'ектив,

Урок западных танцев.

Рис. Ю. Ганфа

фотографом

Выбирают фон отличными — старый дуб на берегу.
 Отвечает им фотограф: «Извините... не могу...
 Снять такого господина — это ж непосильный труд.
 У меня такую морду объективы не берут...»
 Снег частил. Мело под окна. Время было к январю.
 Много ль нужно инвалиду, одиночке-кустарю?
 Три солдата протащили инвалида на штыках.
 Он лежал в снегу багровом в деревянных башмаках.

По селу идет дорога, при дороге столб забит...
 Он не шел в походах ратных, не был в армии убит.
 Он снимал молодоженов и приезжих на возах.
 Штатских парней без фуражек и военных в картузах.
 Он хотел, чтоб над поселком не было ненастных дней,
 Были юноши красивей, были девушки стройней,
 Чтобы не было хибарок, немощных площадей,
 Чтобы не было горбатых и веснушчатых людей.

МИХ. МАТУСОВСКИЙ

НАКАНУНЕ Октябрьского праздника я находился в доме отдыха. Небольшой такой, но очень хороший дом отдыха. «Красный витамин» назывался.

Кто-то из отдыхающих предложил организовать самодеятельный концерт.

Все, конечно, с радостью соглашались, распределяют, кому чем заняться.

На мою долю выпало организовать концерт. Объявляю запись желающих выступить. Как только я этот лист вывесил, сразу же записываются все отдыхающие. Ко второму завтраку — вся администрация и весь медперсонал. Перед ужином — весь обслуживающий персонал. После ужина появляется последняя запись: «Иван Трофимов, ночной сторож дома отдыха, — танцы».

Что ж, думаю, делать? Если все выступать будут, кто же концерт слушать будет? Тогда я объявляю порядок такой: все сидят в зале, я по списку вызываю. Куда там!

— Мы, — говорят, — перед выступлением волноваться будем. В этот вечер мы никак не можем быть зрителями.

Я к главврачу: так, мол, и так, не согласитесь ли наш концерт прослушать?

— Не могу, — говорит. — Я в этом концерте буду арию Надира тенором исполнять.

Что делать? Самому сесть в зал слушать? Не могу: я в концерте с одной отдыхающей «норвежские танцы» исполняю.

Чем бы эта история кончилась, я себе и представить не мог, как вдруг, в день концерта, телеграмма: «Выслать на вокзал машину встретить нового отдыхающего». Ну, думаю, подвезло. Приходит наш «пикап» и выгружает старушку. В субботу — сто лет. Дал я ей часа три с дороги отдыха, потом прихожу и вручаю ей пригласительный билет. Сам тушью написал и, чтоб никакого подозрения не было, номер кресла 145 поставил. Вручаю я ей этот билет и еще торт, чтоб старушке легче было такой концерт прослушать. Шутка ли — 57 номеров, а она одна.

— Спасибо, — говорит, — вы очень любезны. А в зале душно не будет?

— Не будет, — отвечаю, — можете не волноваться. Будете себя чувствовать в нашем зрительном зале, как одинокая березка в чистом поле.

Начало концерта объявляю в семь часов. Уже с половины пятого все участники забили сцену до отказа. Без пяти семь смотрим в щелку: идет старушка. Входит в зал. Удивленно смотрит на единственный стул (все остальные были забраны на сцену для участников), садится, кладет рядом с собой торт и приготавливается слушать.

Тут мы, пока старушка, чего доброго, не надумала сама выступить, даем занавес и начинаем палить по старушке, как из пулемета, номер за номером. Старушка сидит, слушает, тортом лакомится, улыбается и даже аплодирует. Выдержала старая. Только под самый конец стала у нее голова маленько трястись, хотя доктор уверял, что это от торта, а не от концерта.

Прошел наш вечер замечательно. Все были очень довольны, все имели одинаковый успех, так что никаких потрясений для самолюбия не было.

Концерт кончился, устроили мы старушке шумную овацию: А она встала, раскланялась и говорит:

— Большое вам спасибо. Очень вы меня вашими выступлениями разволновали. Разрешите и мне вас отблагодарить.

Ручкой взмахнула и начала «русскую» плясать... Стоим вокруг старушки, хлопаем и спрашиваем:

— Откуда при таком перевыполненном возрасте столько живости, бодрости и темперамента? А она отвечает:

— Поймите, товарищи, ведь я балерина, заслуженная артистка, сорок лет на сцене!

В общем, концерт удался.

ЯКОВ РУДИН

Ах, попалась, птичка, стой!..

(НОВАЯ ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА)

Посвящается Герою Советского Союза
тов. М. М. Расковой

Мишка очень хорошо
Жил в лесу дремучем,
С мышкой вдруг произошел
Очень странный случай.

Вниз на землю с высоты
Опустилась птичка.
Он спросил: откуда ты?
Говорит: москвичка.

— Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети,

Не расстанусь я с тобой
Ни за что на свете.

— Ах, зачем, зачем я вам,—
Отвечала птичка,—
Беспосадожно летать —
Вот моя привычка!

— Ну, побудь хоть до утра,
Милая Марина,
Вместо хлеба есть кора,
Мох тебе перина.

— Не желаю я коры,
Мне коры не надо,
У меня есть полторы
Плитки шоколада.

Он на птичку бросил взгляд,
А у этой птички
Был не только шоколад
И не только спички.

Прилетела налегке
Милая пичужка.

У самой наган в руке —
Это не игрушка!

И сказал он: боже мой,
Ну, чего вы ждете!
Улетайте вы домой,
Вдруг еще убьете!

А. БАРТО,
И. ПЕТРОВА

Новые времена

В ОКТЯБРЕ этого года я отдыхала в Крыму, в одном тихом и небольшом курортном местечке К.

И вот какой удивительный случай там произошел. Два молодых пижона немного подвыпили в ресторане и вышли на улицу, чтоб обсудить вопрос о своих дальнейших развлечениях.

Не найдя ничего такого, что бы их развлекло, они, скуки ради, стали задевать проходящих женщин.

А дело было к вечеру. И прохожих было мало.

Вот наши подвыпившие франты, увидев проходящую молодую женщину, стали ей кричать, чтоб она подошла к ним. При этом один из них, грубо и цинично бранясь, стал делать ей всякие оскорбительные предложения.

Смущенная женщина поспешила уйти прочь.

Увидев ее смущение, приятели осмелели и окончательно распоясались.

По улице в это время шла одна молоденькая девушка. Как выяснилось в дальнейшем, эта была Лиза В. — молодой инженер, — отдыхающая в санатории. Она только что проводила свою подругу в соседний дом отдыха и теперь возвращалась домой.

Увидев ее, приятели развеселились. И один из них крикнул ей то, что он крикнул первой женщине.

Это было в высшей степени безобразно и оскорбительно слушать то, что он кричал.

Девушка вздрогнула и остановилась. Потом медленно подошла к ним и спросила:

— Кто из вас двоих это сказал?

Один из франтов, не вынимая изо рта папиросу, нагло ответил:

— Я это сказал. И могу тебе, милочка, повторить, если ты сюда подошла.

Девушка, размахнувшись, с силой ударила по лицу пижона так, что он закачался и еле мог устоять на ногах.

Приятели обалдели. И побитый стал прочищать свои глаза, засыпанные пеплом и искрами от его смятой папиросы.

Девушка, вытерев свою руку носовым платком, пошла дальше своей дорогой.

Минута обалдения прошла, и приятели с ревом бросились за уходящей девушкой с тем, чтобы ее, вероятно, избить или проучить за слишком смелый поступок.

Они догнали ее на шоссе и стали хватать за руки.

И тут неизвестно что было бы, если б в это время по шоссе не проходил местный аптекарь А.

Он только что закрыл магазин и теперь направлялся к дому.

Увидев, что два подвыпивших парня напали на женщину, благородный аптекарь бросился к месту происшествия. И там стал разнимать их. При этом стыдил и усовещал приятелей, говоря, что не дело двум таким здоровым коблам так низко и по-хулигански вести себя.

Оставив свою жертву, приятели стали пикироваться с аптекарем. Пикировка была с бранью и криками. И аптекарь сказал девушке, чтоб она шла домой и что он тут один разбирается в происшествии.

Девушка пошла по шоссе к дому. Но в это время один из приятелей, рассердившись на заступничество аптекаря, ударил его так, что тот упал.

Девушка снова поспешила к месту схватки. Пьяницы, увидев, что она приближается к ним, почему-то задрожали. И, оставив аптекаря на земле, быстро удалились.

Девушка подошла к аптекарю и сказала: — Как жаль, что я ушла. При мне они бы, вероятно, не посмели нас ударить.

Аптекарь ей сказал: — Я рад, что вы ушли, а то они бы и вас ударили.

— Сомневаюсь, — ответила девушка, — вдвоем мы бы их скрутили и доставили бы в милицию.

Девушка помогла подняться аптекарю и проводила его до аптеки. Они открыли ее и нашли там нужные медикаменты от ушибов и телесных повреждений.

На другой день аптекарь рассказал мне о том, что с ним было.

И я попросил его познакомить меня с этой девушкой с тем, чтобы выяснить, кто она такая, и не будет ли она иметь претензию, если я напишу об этом происшествии в журнал.

И когда мы с аптекарем шли к этой девушке, я думал, что вот сейчас мы увидим роскошную, цветущую богатыршу, не побоявшуюся выступить против двух мужчин.

Каково же было мое удивление, когда я увидел невысокую блондинку, очень милую и скромную. От нее веяло здоровьем и силой. Но вместе с тем она была удивительно женственна и казалась даже хрупкой.

Не скрывая своего удивления, я спросил ее, кто она такая. И девушка ответила, что она инженер-теплотехник. Она в этом году окончила вуз и теперь здесь отдыхает, прежде чем приступить к работе.

Я спросил: — Вы физкультурница?

Она, улыбнувшись, ответила:

— Немного. Как все у нас в институте.

Я сказал:

— Это здорово, что вы проучили хулигана.

Она ответила:

— Конечно, я понимаю — это нехорошо бить человека. Но у меня не было другого выхода. Его поступок был настолько несоветский, что я не могла сдержать себя. Я его била, как врага советской власти, а не как мужчину.

Я снова стал говорить девушке об ее мужестве, но она, кушая яблоко, протянула мне другое и сказала:

— Ну, что об этом говорить. Вот — кушайте.

И я стал есть яблоко, глядя на девушку. И где-то у меня в воображении окончательно таял образ интеллигента из старого мира, в очках, калошах и с зонтиком.

И, глядя на девушку, я подумал: «Как это хорошо и как замечательно, что у нас такая интеллигенция. И как хорошо, что здоровье и сила не расходятся с разумом и сознанием».

Мих. ЗОЩЕНКО

Рис. Л. Сойфертиса

Летчица Катя Пронина вскружила голову молодому человеку.

Как мужик в рай ходил

(Сказка)

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве, в Олонецкой губернии, Петро-заводского уезда, Толвуйской волости, раз случилось такое дело. Пришел весенний Микола, а травы нет: не выросла.

— Как же быть? — закричали мужики-крестьяне. — Мы всегда надеялись на Миколу, он должен был с травой придти, а тут нако-вось.

Вот собрались мужики на сход, судили, ярили и решили идти к богу, жаловаться на Миколу. Стали заставляя попа прошение писать к богу, а поп и говорит:

— Что вы, православные? Да разве подо-бают нам, грешным, жаловаться на святого Николая чудотворца?

Но крестьяне заставили попа написать прошение и направили церковного старосту с прошением к самому богу Саваофу.

Шел, шел староста, думает: как подняться на небо? Видит, журавли летят. Сел он на журавля и полетел на небо. Приходит староста к канцелярии бога, видит, апостол Петр швейцаром у ворот стоит. Расспросил апостол Петр старосту, открыл двери и пропустил в канцелярию. Зашел староста в небесную канцелярию, смотрит, сам Саваоф сидит за большим столом, такой угрюмый, вроде как сердит или с похмелья: голову держит, задумался. Кирилл да Мефодий писарями служат, сидят неподалеку. Мария Магдалина машинисткой работает. Архангел Михаил у дверей стоит, курьером служит. Перекрестился староста, поклонился низко и не успел сказать «здравствуйте», как Мефодий к нему подбежал и спрашивает:

— В чем дело, мужичок, что хорошего на земле есть?

— Да вот, — говорит староста, — послали меня толвуйские мужики к богу с жалобой: Микола травы не дал, скота кормить нечем.

Взял Мефодий жалобу, повертел, повертел в руках, да и подал богу.

— Вот, — говорит Мефодий, — тут толвуйские мужики на Миколу жалуются.

— А чего мне суешь? — говорит бог. — Ведь ты знаешь, что я неграмотный. Ты азбуку издал, ты и читай.

Прочитал Мефодий прошение до точки. Как стукнет бог кулаком по столу, ажно Мария Магдалина привскочила. Архангел Михаил с испугу к столу подбежал, апостол Петр ворота открыл, староста на пол сел.

— Позвать, — кричит бог, — Миколу чудотворца!

Архангел Михаил побежал некая.

Вот приходит Микола-чудотворец и спрашивает:

— В чем дело?

— Как в чем дело! — горячится бог. — Вот толвуйские мужики жалуются, что ты травы не дал, скота кормить нечем. Ведь ты должен с травой быть, православные христиане на тебя надеются, а ты их подвел, а этим веру в себя и в нас обостряешь. Мужики и совсем нам верить не будут, и так попы жалуются: доходу мало.

— А мне что, — говорит Микола, — разве я виноват? Почему Георгий победоносец ручейков не пропустил? Откуда я траву возьму, когда ручьев не было.

Повернулся и пошел к Варваре великомученице пивко допивать.

— Позвать мне Георгия победоносца! — снова закричал бог.

Вот прискакал Георгий победоносец на белом коне да прямо в канцелярию и заехал.

— Что случилось, святой боже? — спрашивает Георгий.

А бог ему и говорит:

— Как же это случилось? Почему ты

ручьев не пропустил в свое время? Из-за тебя Микола не мог травы дать.

— А мне что? — говорит Георгий. — Разве я виноват? Ведь ключами-то заведует Алексей, человек божий. Он не отомкнул их, воды не дал, откуда же я ручейки возьму?

Еще пуще вскипел бог. Обои кулаками по престолу стучит, ажно другие столы за-тряслись. Мария Магдалина взамен «Приказ по раю» напечатала «Проказ по раю».

— Где Алексей, человек божий? Сейчас по-дать его сюда!

Архангел Михаил чуть с крыльца не упал, побежал за Алексеем да еле его нашел: Алексей вечером пьян был и ключи потерял; ходит ищет.

— Ступай скорее к богу! — крикнул ему архангел Михаил.

Вот приходит Алексей, человек божий, к богу, да взамен «в чем дело» говорит: «кесть-ли пивко?» Так все и рассмеялись, даже бог улыбнулся, но своему человеку строго не ска-зал, а просто спросил:

— Почему это ты воды не отомкнул?

— Я, — отвечает Алексей, — открывал воду, да неоткуда ей течь было. Василий капельник ни одной капли не капнул. А вода-то от ка-пельника должна начинаться...

Опять разгневался бог и потребовал Васи-лия капельника, даже ногой топнул.

Приходит Василий капельник, мамы выго-ворить не может: всю ночь пьянствовал с Ни-колаем чудотворцем, с Алексеем, человеком божим, у Варвары великомученицы.

Заметил бог, что пьян он, да и говорит:

— Так ты что же это? Сам нализался, а людям даже воды не капнул.

— А мне-то что? — отвечает Василий ка-пельник. — Разве я виноват? Ты сам опло-шал: к самому главному делу бабу допу-стил. Авдотья плющица всему виновата, надо было ей плющить гораже (т. е. сильнее), а она и совсем не плющила. Откуда же я ка-пать стал бы? Только зря канителите.

Тут еще пуще бог рассердился и потребо-вал Авдотью плющицу. Является Авдотья плющица. Бог обими ногами на нее затопал, кулаками застучал:

— Это что же ты, такая-сякая, делаешь! А-а-а! Вам только компанию устраивать с Варварой великомученицей. Все апостолы и пророки свое дело забыли, к вам похаживают да пивко пьют. Это ты все дело испортила!

А Авдотья — баба бойкая.

— Да ты что, — говорит, — на меня окры-сился? Разве я виновата?

Да как пошла писать — богу жарко стало.

— Сам, — говорит она, — порядков не знаешь, хоть и устанавливал их. Дождем да снегом заведует Илья пророк. Его и спрашивай... И нечего упрекать нас с Варварой апостола-ми. Нередко и сам заходишь. А у деды Мари-и и сплошь ночеешь. Так что все одина-ковы, а без дела никогда меня не тревожь: у меня дети маленькие дома.

Посидел бог, подумал и послал за Ильей пророком. Слышит староста, гром загредел. Вот приходит Илья пророк в канцелярию.

— Сами вы виноваты, отче наш, — сказал Илья пророк. — Ведь лето по вашему распо-ряжению дождливое было. Где же мне на осеннего Егорья снегу взять?

— А почему ты в сенокос дождь лил? — спросил бог.

— Да как же, ведь ты сам сказал мне, что дождь лить надо, когда косят.

— Дурак! — сказал бог. — Ведь я тебе гово-рил: когда просят; а ты льешь, когда косят.

— Э-э-э, брат! — отвечает Илья. — А это и может быть. Я, видишь ли, стар и глуховат стал, вот и перепутал.

Видит бог, что больше винить некого, а с Ильи что возьмешь? Взял прошение в руки, повертел, повертел, да и говорит Мефодию:

— Напиши резолюцию от моего имени: «Аставить без последствий».

Написал Мефодий резолюцию, бог взамен расписки крест поставил и подал обратно старосте.

Пошел староста обратно в Толвую. Прихо-дит к толвуйским мужикам и подает проше-ние обратно с резолюцией. Прочитали мужи-ки, покачали головой да с тех пор и не стали на Миколу надеяться больше.

Сказитель М. РЯБИННИН

45
ОБЯЗАТ. АКЦИОНЕРЫ
10.000
Вос. Ил. Палат. 10.000

К Р О К О Д И Л

Страница из
фото-альбома

Герой Советского Союза
Валентина Гризодубова.

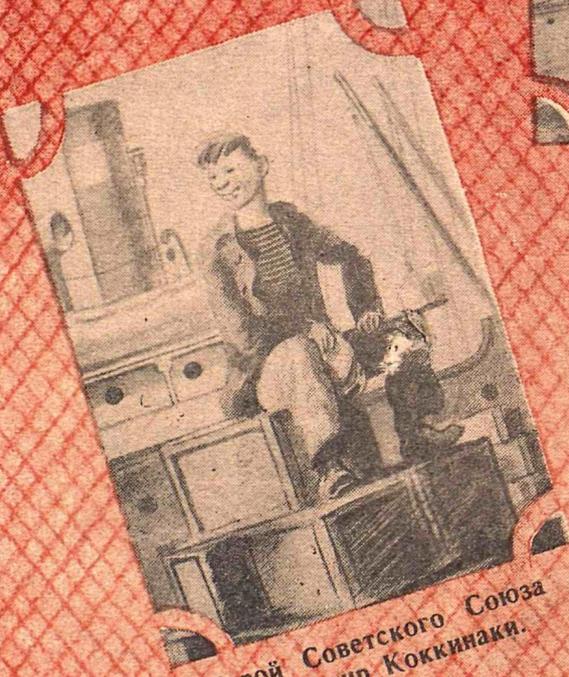
14 июля 1950
АРХИВ

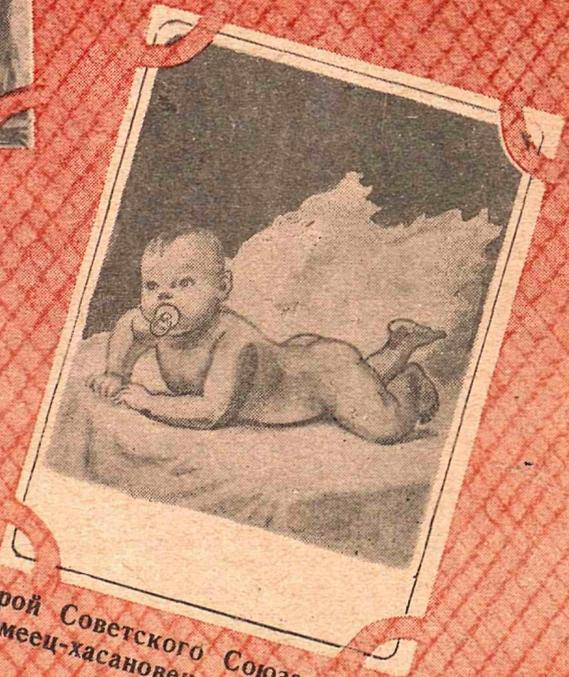
Дуся Виноградова.

Алексей Стаханов.

Герой Советского Союза
Владимир Коккинаки.

Герой Советского Союза, красно-
армеец-хасановец, Ярим Ягудин.

Двадцать один год назад